На правах рукописи

ОЗДЕМИР Сибель

ГЛАГОЛЬНЫЕ И НЕГЛАГОЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ДИСТАНТНОСТИ В БУДУЩЕМ ВРЕМЕННОМ ПЛАНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, ТУРЕЦКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

5.9.8 — Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

(филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Нижний Новгород — 2026

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова».

Научный руководитель: **Лутфуллина Гюльнара Фирдависовна,**
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Института цифровых технологий и экономики ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет».

Официальные оппоненты: **Насипов Ильшат Сахиятуллович,**
доктор филологических наук профессор, профессор кафедры татарского языка и литературы Института филологического образования и межкультурных коммуникаций ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» (Акмуллинский университет).

Широкова Елена Николаевна,
доктор филологических наук доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Защита состоится «22» декабря 2026 года в 11:30 часов на заседании диссертационного совета 24.2.344.03, созданного на базе ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова», по адресу: 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31-а, ауд.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова» и на сайте: https://lunn.ru.

Автореферат разослан «___» _____ 2026 года.

Учёный секретарь
диссертационного совета, Н.А. Голубева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования определяется возрастающим вниманием современной лингвистики к проблемам темпоральности, футуральности и способам языкового представления будущего временного плана. Исследовательский интерес всё заметнее смещается от описания отдельных грамматических форм к анализу механизмов формирования временного значения в реальном дискурсе. В этом контексте будущее время рассматривается как сложная функционально-семантическая область, объединяющая грамматические, лексические, синтаксические, модальные и прагматические компоненты.

Обращение к будущей референции особенно значимо потому, что будущее событие в момент речи ещё не реализовано. Его языковое выражение связано не только с временной локализацией, но и с намерением, ожиданием, прогнозом, уверенностью, вероятностью или долженствованием. Поэтому средства выражения будущего временного плана включают глагольные формы, аналитические конструкции, темпоральные наречия, календарные обозначения, именные сочетания и контекстуальные показатели. Особое значение имеет параметр дистантности, позволяющий определить, мыслится ли событие как ближайшее, среднесрочное или отдалённое, и установить средства выражения этой удалённости в разных языках.

Развитие корпусной лингвистики позволяет исследовать реальные модели функционирования грамматических форм в микроконтекстах и выявлять взаимодействие глагольных и неглагольных средств в формировании будущей временной перспективы.

Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного сопоставительного описания глагольных и неглагольных средств выражения дистантности в будущем временном плане на материале русского, турецкого и татарского языков. Такое исследование важно для развития функциональной грамматики, сравнительно-сопоставительной

лингвистики, типологии, корпусной лингвистики, перевода и методики преподавания языков.

Степень разработанности темы исследования свидетельствует о том, что категория будущего времени и способы выражения будущей референции активно изучаются в общей, типологической, функциональной и сопоставительной лингвистике. В исследованиях Х. Райхенбаха, Б. Комри и В. Кляйна были заложены основы анализа временной референции, соотношения времени речи, времени события и времени референции.

Типологические аспекты футуральности получили развитие в трудах Э. Даля, Дж. Байби, С. Фляйшман, Р. Перкинса, У. Пальюки и В. Велупиллаи. В них описываются грамматикализация будущего времени, типы футуральных конструкций и способы выражения будущей перспективы в языках разного строя. Связь будущего времени с модальностью рассматривается в работах Й. ван дер Ауэры, В. А. Плунгяна, Я. Нюйтса, Ф. Палмера и Х. Наррога. Эти исследования показывают, что будущее значение часто сопровождается оттенками предположения, намерения, вероятности, долженствования и оценки говорящего. В русистике проблемы будущего времени изучались В. В. Виноградовым, А. В. Бондарко, Ю. С. Масловым, В. А. Плунгяном, Е. В. Падучевой и А. Тимберлейком. В более поздних работах Н. М. Стойновой, О. Ю. Чуйковой, А. А. Зализняка, А. Д. Шмелёва и Жамалетдиновой уточняются вопросы функционирования будущих форм, их нефутуральных употреблений и взаимодействия футуральности с аспектуальностью и модальностью.

В туркологии средства выражения будущего времени представлены в трудах Т. Бангуоглу, З. Коркмаз, Ж. Корнфилт, А. Гёксель и С. Керслейк. В последние годы внимание уделяется ближайшему будущему, футуративным конструкциям и прагматическим условиям интерпретации будущей референции; в этом отношении значимы работы М. Каныка, О. Балджы, С. Акала, Х. Искендера и Н. Токтара. В татарском языкознании вопросы темпоральности и будущей референции освещены в работах Н. К. Дмитриева, Д. Г. Тумашевой, Ф. Ю. Юсупова, авторов академической «Татар грамматикасы», А. Бурбиеля, С. Г. Татевосова,

Шамсутдиновой, Галавовой, Г. Ф. Лутфуллиной и ее соавторов. Особое значение имеют исследования Г. Ф. Лутфуллиной, посвященные сопоставительной темпоральности, неглагольным средствам выражения временных значений и репрезентации ближайшего будущего в татарском языке.

В ходе анализа научной литературы и языкового материала были выявлены следующие **противоречия:**

— между значительной разработанностью проблемы будущего времени и недостаточным описанием будущей дистантности как самостоятельного функционально-семантического параметра;

— между наличием исследований глагольных форм будущего времени в русском, турецком и татарском языках и отсутствием комплексного сопоставительного анализа глагольных и неглагольных средств выражения ближайшей, среднесрочной и отдалённой перспективы;

— между возможностями корпусного анализа реального употребления языковых средств и недостаточной представленностью корпусных сопоставительных исследований будущей дистантности;

— между необходимостью установления функциональных соответствий в разноструктурных языках и преобладанием работ, ориентированных на описание отдельных языков вне сопоставительной перспективы.

Указанные противоречия позволили сформулировать проблему исследования, которая заключается в определении механизмов выражения будущей дистантности в русском, турецком и татарском языках, выявлении роли глагольных и неглагольных средств в организации ближайшей, среднесрочной и отдалённой временной перспективы, а также установлении функциональных соответствий между ними.

Актуальность обозначенной проблемы и необходимость её решения определили тему диссертационного исследования: **«Глагольные и неглагольные средства выражения дистантности в будущем временном плане (на материале русского, турецкого и татарского языков)»**.

Проблема исследования заключается в недостаточной разработанности принципов выражения будущей дистантности в русском, турецком и татарском языках, а также в необходимости выявления роли глагольных и неглагольных средств в формировании ближайшей, среднесрочной и отдалённой временной перспективы.

Объектом исследования являются глагольные и неглагольные средства, оформляющие будущую референцию в русском, турецком и татарском языках.

Предметом исследования выступают функционально-семантические особенности этих средств, их распределение по зонам ближайшего, среднесрочного и отдалённого будущего, а также контекстуальные условия их функционирования.

Цель исследования состоит в выявлении и сопоставительном описании глагольных и неглагольных средств выражения будущей референции в русском, турецком и татарском языках, а также в установлении закономерностей их распределения по зонам ближайшей, среднесрочной и отдалённой дистантности на материале национальных корпусов.

Гипотеза исследования состоит в том, что дистантность будущей референции в русском, турецком и татарском языках не выражается одним специализированным грамматическим средством, а формируется в результате взаимодействия глагольных форм, неглагольных показателей и контекстуальных факторов. Разграничение ближайшего, среднесрочного и отдалённого будущего осуществляется посредством различных комбинаций языковых средств, функциональная роль которых варьируется в зависимости от типологических особенностей каждого языка. Предполагается, что типологические различия русского, турецкого и татарского языков будут проявляться в неодинаковом распределении функциональной нагрузки между средствами выражения будущей референции. В зависимости от языковой системы ведущая роль может принадлежать видо-временным характеристикам глагола, специализированным морфологическим показателям будущности либо сочетанию глагольных, неглагольных и контекстуальных средств.

Для достижения указанной цели в работе решаются следующие **задачи**:

1. Уточнить теоретические основания описания будущего времени как функционально-семантической области, в которой взаимодействуют темпоральность, модальность, аспектуальность, контекст и коммуникативная установка говорящего.

2. Описать состав глагольных и неглагольных средств, участвующих в выражении будущей референции в русском, турецком и татарском языках.

3. Проанализировать глагольные средства выражения будущего времени в трёх языках, включая синтетические и аналитические формы, формы настоящего времени в футуральном значении, модальные и контекстуально обусловленные конструкции.

4. Определить роль категории вида в маркировании зон будущей дистантности в русском языке и сопоставить её с функционально близкими средствами характеристики будущего действия в турецком и татарском языках.

5. Уточнить и применить критерии разграничения ближайшего, среднесрочного и отдалённого будущего при сопоставительном анализе русского, турецкого и татарского языков.

6. Провести корпусный анализ на материале Национального корпуса русского языка, Turkish National Corpus и Татарского национального корпуса «Туган тел», включающий отбор, разметку и аннотирование примеров по типу языкового средства, зоне дистантности и контекстуальному значению.

7. Описать частотное и функциональное распределение глагольных и неглагольных средств по зонам ближайшего, среднесрочного и отдалённого будущего в каждом из исследуемых языков.

8. Сопоставить особенности выражения будущей дистантности в русском, турецком и татарском языках, выявить общие и языково-специфические закономерности её организации и определить значение полученных результатов для сопоставительного языкознания и преподавания языков.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые представлено комплексное сопоставительное описание глагольных и неглагольных

средств выражения дистантности в будущем временном плане на материале русского, турецкого и татарского языков. Предложена трёхзонная модель анализа будущей дистантности, включающая ближайшее, среднесрочное и отдалённое будущее, и определены критерии разграничения данных зон.

В работе систематизированы формы будущего времени, формы настоящего времени в футуральном значении, аналитические и модальные конструкции, темпоральные локализаторы, календарные обозначения, именные и эллиптические средства. Установлено, что неглагольные средства не только уточняют глагольные формы, но и самостоятельно участвуют в организации будущей временной перспективы. На материале русского, турецкого и татарского корпусов выявлены закономерности распределения данных средств по зонам будущей дистантности. Определены типологические модели выражения будущей референции: смешанная видо-временная модель в русском языке, морфологически концентрированная модель в турецком языке и распределённая модель в татарском языке**.**

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии представлений о будущей референции как функционально-семантической области, формируемой взаимодействием глагольных, неглагольных и контекстуальных средств. Уточнено понимание будущей дистантности как степени удалённости события от момента речи или иной точки отсчёта и обоснована трёхзонная модель, включающая ближайшее, среднесрочное и отдалённое будущее. Выявлены функциональные соответствия и типологические различия русского, турецкого и татарского языков в организации будущей референции.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в преподавании русского, турецкого и татарского языков, практике перевода, сопоставительном и корпусном анализе. Предложенная система описания может применяться в курсах по грамматике и сопоставительному языкознанию, при подготовке учебно-методических и переводческих материалов, а также для предупреждения интерференционных ошибок.

Методы исследования. В работе использован комплекс взаимодополняющих методов: теоретический анализ научной литературы,

сопоставительный метод, функционально-семантический, корпусный, микроконтекстуальный и количественный анализ, а также методы классификации и систематизации материала. Теоретический анализ позволил определить степень разработанности проблемы и сформировать научную базу исследования. Сопоставительный метод применялся для выявления функциональных сходств и различий в выражении будущей референции в русском, турецком и татарском языках. Функционально-семантический и микроконтекстуальный анализы использовались для описания роли глагольных, неглагольных и контекстуальных средств в разграничении ближайшего, среднесрочного и отдалённого будущего. Корпусный и количественный анализы, проведённые на материале «НКРЯ», «TNC» и «Татарского национального корпуса “Туган тел”», позволили установить частотность и распределение средств выражения будущей дистантности в реальном употреблении.

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных учёных в области теории грамматического времени, темпоральности, футуральности, аспектуальности, модальности, функциональной грамматики, типологии, тюркологии и сравнительно-сопоставительного языкознания. Общетеоретическую основу исследования составили работы по функциональной грамматике, теории времени, вида, аспектуальности и грамматической семантики: А. В. Бондарко, Ю. С. Маслова, Е. В. Падучевой, В. А. Плунгяна, А. А. Зализняка, А. Д. Шмелёва, И. Б. Шатуновского, Ю. П. Князева, Т. В. Булыгиной, М. Я. Гловинской, В. В. Виноградова, А. В. Исаченко, Н. Ю. Шведовой, Р. О. Якобсона, В. С. Храковского, Е. В. Рахилиной, Г. Ф. Лутфуллиной, И. В. Марзоевой, Н. М. Стойновой, О. Ю. Чуйковой, Е. В. Жамалетдиновой, Т. М. Ворониной, Т. А. Сухомлиной.

При разработке проблем будущей референции, футуральности, темпоральной перспективы, взаимодействия времени, вида и модальности учитывались труды Б. Комри, Ö. Dahl, J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca, W. Klein, H. Reichenbach, S. Fleischman, R. Salkie, C. S. Smith, J. Nuyts, F. R. Palmer, J. Van der Auwera, V. A. Plungian, A. Boland, G. Jendraschek, H. Rullmann, M. Huijsmans, L.

Matthewson, N. Todorović, L. Grenoble, J. Forsyth, A. Timberlake, T. Wade. Теоретической основой описания русского языка послужили исследования В. В. Виноградова, А. В. Бондарко, Ю. С. Маслова, Е. В. Падучевой, А. А. Зализняка, А. Д. Шмелёва, Ю. П. Князева, М. Я. Гловинской, Н. М. Стойновой, И. Б. Шатуновского, Н. Ю. Шведовой, А. В. Исаченко, Р. О. Якобсона, Л. Гренобль, Дж. Форсайта, А. Тимберлейка, Т. Уэйда, Е. В. Жамалетдиновой.

При анализе турецкого языка использовались труды А. Н. Кононова, В. Г. Гузева, Э. Гениша, Т. Бангуоглу, А. Бензера, Д. Аксана, С. Акшехирли, Н. Атабай, И. Кутлук, С. Озель, М. К. Билгегила, А. Дилачара, Х. Эдискуна, М. Эргина, З. Коркмаз, А. Гёксель, С. Керслейк, Дж. Корнфилт, Дж. Льюиса, Х. Искендера, О. Балджы, Л. Ч. Далкылыч, С. Аслана, Н. Гюнай, М. Каника, Ф. Яваша, К. Үстүновой, Ч. Керимоглу, Ю. Торун Огретмен. При исследовании татарского языка учитывались работы Н. К. Дмитриева, Д. Г. Тумашевой, Ф. Ю. Юсупова, М. З. Закиева, Ф. А. Ганиева, Ф. А. Бургановой, С. Г. Татевосова, Ч. М. Харисовой, Ф. М. Хисамовой, Л. М. Хисамовой, В. Н. Хисамовой, Г. Ф. Харисовой, Г. Ф. Гайнуллиной, А. Р. Шамсутдиновой, Г. В. Галавовой, Н. Г. Мингазовой, Р. Р. Закирова, В. Г. Субич, Р. Г. Закиевой, Р. К. Сагдиевой, Д. Х. Хуснутдинова, И. К. Сибгатуллиной, Á. Berta, G. Burbiel, K. Thomsen, F. Yusupov.

Методологическую основу исследования составили функционально-семантический, типологический, сравнительно-сопоставительный, корпусный и контекстуально-интерпретационный подходы. Их применение опирается на положения, разработанные в трудах А. В. Бондарко, В. С. Храковского, Ю. С. Маслова, В. А. Плунгяна, Е. В. Падучевой, Б. Комри, Ö. Dahl, J. Bybee, W. Klein, H. Reichenbach, M. Haspelmath, L. Johanson, J. Van der Auwera, F. R. Palmer, J. Nuyts, Г. Ф. Лутфуллиной, Н. М. Стойновой, О. Ю. Чуйковой и других исследователей**.**

Материал исследования составили глагольные и неглагольные средства выражения будущей референции в русском, турецком и татарском языках, зафиксированные в корпусных микроконтекстах. Основными источниками языкового материала послужили «Национальный корпус русского языка» («НКРЯ»), «Turkish National Corpus» («TNC») и Татарский национальный корпус

«Туган тел» («Туган тел»). В анализ были включены формы будущего времени, аналитические конструкции, формы настоящего времени в футуральном значении, модально-инфинитивные модели, темпоральные наречия, календарные обозначения, количественно-временные сочетания, именные и эллиптические конструкции, участвующие в выражении ближайшего, среднесрочного и отдалённого будущего. Отбор материала осуществлялся с учётом способности языковых единиц маркировать дистантность будущего события относительно момента речи или иной точки отсчёта. Общий объём исследованного материала составил 215 контекстов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Будущая дистантность в русском, турецком и татарском языках выражается взаимодействием глагольных, неглагольных и контекстуальных средств. Темпоральные конкретизаторы уточняют удалённость события от момента речи.

2. Будущий временной план включает ближайшую, среднесрочную и отдалённую зоны. Они различаются не только временной удалённостью, но и преобладающими значениями: конкретного или запланированного действия, намерения и прогнозирования, долгосрочной перспективы.

3. Распределение глагольных средств меняется по зонам. В русском и турецком языках формы будущего времени сохраняют ведущую роль, но в среднесрочной зоне их доля снижается за счёт конкурирующих конструкций. В татарском языке соотношение ведущих средств также зависит от зоны.

4. Выявлены три модели выражения будущей дистантности: смешанная видо-временная в русском языке, морфологически концентрированная в турецком и распределённая в татарском.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Работа соответствует следующим пунктам Паспорта научной специальности 5.9.8 «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика»:

– **п. 12.** Исследование грамматических категорий и значений. В работе анализируются глагольные и неглагольные средства выражения будущей

референции, их функционально-семантические особенности и взаимодействие при обозначении временной дистантности.

– **п. 15.** Контрастивная лингвистика и лингвистическая типология. Проводится сопоставительный анализ средстввыражения ближайшего, среднесрочного и отдалённого будущего в русском, турецком и татарском языках.

– **п. 16.** Типологически ориентированное описание языков. Выявляются общие и языково-специфические закономерности выражения будущей дистантности, определяются типологические модели её организации в трёх языках.

– **п. 23.** Корпусная лингвистика. На материале национальных корпусов русского, турецкого и татарского языков исследуются частотность, функционирование и распределение глагольных и неглагольных средств по зонам будущей дистантности.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность результатов исследования обеспечивается репрезентативностью языкового материала, привлечением данных «Национального корпуса русского языка» («НКРЯ»), «Turkish National Corpus» («TNC») и Татарского национального корпуса «Туган тел», а также использованием комплекса взаимодополняющих методов, соответствующих цели и задачам работы. Надёжность полученных результатов обусловлена единым подходом к отбору, систематизации и анализу материала во всех трёх языках. Исследование основано на сопоставимых микроконтекстах, содержащих средства выражения будущей референции и показатели временной удалённости будущего события. Обоснованность выводов подтверждается последовательным применением функционально-семантического, сопоставительного, корпусного и количественного анализа, а также соотнесением количественных данных с качественной интерпретацией материала.

Апробация результатов исследования осуществлялась в ходе обсуждения основных положений диссертации на международных научных, научно-практических конференциях и симпозиумах, посвящённых вопросам темпоральности, функциональной грамматики, сопоставительного языкознания, тюркологии и межъязыковых исследований. Основные результаты диссертации

отражены в 10 научных публикациях автора, в том числе в 5 статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Отдельные положения диссертации были представлены и обсуждены на II Международной научно-практической конференции «Иноязычное образование в современных реалиях: проблемы и векторы развития» (Казань, 2024), II Международной научно-практической заочной конференции «Иностранный язык: традиции, опыт и инновации» (Казань, 2024), Международной научной конференции «Русский язык на пространстве СНГ и в мире» (Самарканд, 2025), X Международном симпозиуме молодых тюркологов памяти д-ра Якупа Омероглу (Бишкек, 2025), а также на III Международной научно-практической конференции «Иноязычное образование в современных реалиях: проблемы и векторы развития» (Казань, 2025).

В ходе апробации обсуждались вопросы выражения будущей референции в русском, турецком и татарском языках, взаимодействия футуральности и модальности, функционального потенциала глагольных и неглагольных средств, а также языковой репрезентации ближайшего, среднесрочного и отдалённого будущего. Результаты апробации были учтены при уточнении теоретических положений, классификации языкового материала и формулировании выводов диссертационного исследования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «Категория будущего времени в разноструктурных языках» формируется теоретико-методологическая база исследования будущей референции и дистантности в русском, турецком и татарском языках. Исходным для работы является разграничение реального и грамматического времени, а также времени речи, времени события и времени референции. Будущая референция рассматривается как более широкая функционально-семантическая область, чем собственно грамматическое будущее время: отнесённость ситуации к будущему может формироваться не только специализированной временной формой глагола, но и аналитическими конструкциями, формами настоящего времени в

футуральном употреблении, модальными средствами, темпоральными конкретизаторами и контекстом.

Особое внимание уделяется взаимодействию темпоральности, аспектуальности и модальности. Нереализованность будущего события обусловливает связь его языкового представления с намерением, планированием, прогнозом, предположением, возможностью и необходимостью. Микроконтекстуальный анализ позволяет разграничивать временную локализацию и модальные характеристики реализации события.

В разделе 1.1 «Изучение категории будущего времени в русском языке» устанавливается специфика русской модели, определяемая тесным взаимодействием категорий времени и вида. Рассматривается оппозиция форм будущего времени совершенного вида типа *напишу* и аналитического будущего несовершенного вида типа *буду писать*. В диссертации формы типа *напишу* последовательно трактуются как формы будущего времени совершенного вида, исходя из доминирования будущей референции и необходимости их системного противопоставления аналитическим формам несовершенного вида.

Показано, что данное противопоставление имеет не только формальный, но и функционально-семантический характер. Совершенный вид ориентирован прежде всего на целостность, предельность и результативность будущего действия, тогда как аналитическое будущее несовершенного вида актуализирует процессуальность, длительность, повторяемость или отсутствие указания на достижение результата. Наряду с этими формами рассматривается настоящее время в футуральном употреблении, характерное прежде всего для запланированных действий, расписаний и заранее установленных ситуаций. Существенным для последующего анализа является также разграничение будущего намерения и будущего прогноза, позволяющее учитывать степень контролируемости действия и модальную позицию говорящего.

В разделе 1.2 «Изучение категории будущего времени в турецком языке» анализируется система средств будущей референции в турецком языке. Её центральным специализированным показателем выступает форма на *-(y)AcAk,*

однако футуральность не ограничивается данной морфемой. Будущее значение способны реализовывать аористические формы на *-(A/I)r*, форма *-(I)yor* в футуральном употреблении, модальные и интенциональные конструкции, а также неглагольные темпоральные показатели. Принципиально важно, что указанные формы не рассматриваются как взаимозаменяемые варианты одного грамматического будущего. Их функционирование зависит от характера будущей ситуации и контекста: *-(y)AcAk* представляет собой основное специализированное средство будущей референции, тогда как *-(I)yor* в футуральном употреблении преимущественно соотносится с уже организованным или запланированным действием, а аористические формы способны актуализировать прогнозируемость, закономерность или ожидаемость события. Тем самым турецкая система характеризуется взаимодействием специализированной морфологии будущего с аспектуальными, модальными и контекстуальными средствами.

В разделе 1.3 «Изучение категории будущего времени в татарском языке» рассматриваются формы *-ачак/-әчәк, -ыр/-ер, -ар/-әр*, настоящее время в футуральной функции, аналитические, модально-инфинитивные и другие конструкции, участвующие в формировании будущей референции. Принципиальным для сопоставления является отсутствие в татарском языке морфологической категории вида, непосредственно соответствующей русской оппозиции совершенного и несовершенного вида. Поэтому значения результативности, процессуальности, ожидаемости, вероятности и характера протекания будущего действия распределяются между различными грамматическими, лексическими и контекстуальными средствами.

В разделе 1.4 «Дистантность в будущем временном плане» теоретически обосновывается центральное для диссертации понятие дистантности, понимаемой как степень временной удалённости будущего события от момента речи либо иной релевантной точки отсчёта. Дистантность рассматривается не как самостоятельная грамматическая категория, имеющая обязательный специализированный показатель, а как функционально-семантический параметр будущей референции,

формируемый взаимодействием глагольной формы, темпорального конкретизатора, аспектуальных и модальных характеристик и микроконтекста.

Для обеспечения сопоставимости корпусного материала в исследовании принимается операциональная трёхзонная модель. **Ближняя дистантность** охватывает интервал от момента речи до ближайших двадцати четырёх часов; **средняя дистантность** — период после ближайших суток и до одного года; **дальняя дистантность** — временную перспективу от одного года и более, включая неопределённо отдалённое будущее. Такое разграничение является рабочим аналитическим инструментом и позволяет единообразно классифицировать корпусные микроконтексты русского, турецкого и татарского языков. Временные локализаторы типа *завтра, через несколько дней, на следующей неделе, через год, в будущем* и их соответствия в турецком и татарском языках конкретизируют перспективу; окончательная интерпретация устанавливается с учётом предиката, модальности и контекста.

В выводах по первой главе устанавливается, что будущая референция в русском, турецком и татарском языках представляет собой комплексную функционально-семантическую область, в которой взаимодействуют темпоральность, аспектуальность, модальность, прагматика и контекст. Поэтому сопоставление трёх языков не может строиться по принципу прямого формального соответствия отдельных грамматических форм. Первая глава обосновывает переход от грамматического будущего времени к анализу **будущей референции и её дистантности**. Трёхзонная модель используется во второй главе как единое основание функционального сопоставления разноструктурных языков.

Во второй главе «Средства выражения дистантности в будущем временном плане» осуществляется корпусный и сравнительно-сопоставительный анализ глагольных и неглагольных средств, участвующих в формировании ближней, средней и дальней перспективы в русском, турецком и татарском языках. Если в первой главе формируется теоретическая модель исследования, то во второй главе проверяется её объяснительный потенциал на материале Национального корпуса русского языка, Turkish National Corpus и Татарского национального

корпуса «Туган тел». Анализ направлен не на установление формального соответствия отдельных грамматических показателей, а на выявление функционально соотносимых способов выражения будущей референции и степени временной удалённости события.

В разделе 2.1 «Глагольные средства выражения будущего времени. Их потенциал в выражении дистантности» определяется роль глагольных форм в организации будущего временного плана. Принципиальным является разграничение собственно футуральности и дистантности: глагольная форма способна устанавливать будущую направленность ситуации, однако сама по себе не всегда однозначно определяет степень удалённости события от момента речи. Конкретная дистанционная интерпретация возникает во взаимодействии формы предиката с темпоральным локализатором, аспектуальными и модальными характеристиками и микроконтекстом.

В подразделе 2.1.1 «Оппозиция временных форм будущего в русском языке» исследуется видо-временная организация русской системы. Основное противопоставление образуют формы будущего времени совершенного вида типа *напишу, сделаю, построят* и аналитическое будущее несовершенного вида типа *буду писать, будем обсуждать*. Совершенный вид преимущественно представляет будущее действие как целостное, предельное или ориентированное на результат, тогда как аналитическое будущее несовершенного вида актуализирует процессуальность, длительность, повторяемость либо развёртывание действия во времени.

В подразделе 2.1.2 «Оппозиция временных форм будущего в турецком языке» анализируется соотношение специализированной формы *-(y)AcAk,* аориста *-(A/I)r*, футурального *-(I)yor*, модально-инфинитивных и интенциональных конструкций. Форма *-(y)AcAk* составляет морфологическое ядро системы; в среднесрочной перспективе усиливается конкуренция других средств. Футуральное *-(I)yor* преимущественно выражает запланированное действие, а аорист — ожидаемость, закономерность и прогнозируемость события. Выбор формы определяется её семантикой и контекстом.

В подразделе 2.1.3 «Оппозиция временных форм будущего в татарском языке» анализируются формы *-ачак/-әчәк, -ыр/-ер, -ар/-әр*, настоящее время в футуральном значении, аналитические, модально-инфинитивные и относительные конструкции. В отличие от турецкого языка, в татарском корпусном материале не обнаруживается одного средства, которое последовательно доминировало бы во всех трёх зонах.

Раздел 2.2 «Неглагольные средства выражения дистантности в будущем» посвящён средствам, конкретизирующим положение будущего события относительно момента речи: темпоральным наречиям, количественно-временным конструкциям, календарным обозначениям, именным и безглагольным структурам и другим контекстуальным показателям. Их функция особенно значима для разграничения футуральности и собственно дистантности: глагольная форма задаёт общую ориентацию на будущее, тогда как временной локализатор позволяет определить конкретную зону будущей перспективы.

В подразделе 2.2.1 «Средства ближней, средней и дальней дистантности в русском языке» корпусный материал распределяется в соответствии с принятой в исследовании трёхзонной моделью. Ближняя дистантность охватывает период до двадцати четырёх часов и маркируется, в частности, конкретизаторами типа *сейчас, скоро, сегодня, завтра, через час*. Средняя перспектива охватывает период после ближайших суток и до одного года и представлена конструкциями типа *послезавтра, через несколько дней, на следующей неделе, в следующем месяце, через несколько месяцев, в этом году*. К дальней перспективе относятся временные локализаторы типа *через год, через несколько лет, в будущем*, а также контексты неопределённо отдалённого будущего.

В подразделе 2.2.2 «Средства выражения ближней, средней и дальней дистантности в турецком языке» анализируются сочетания глагольных форм с темпоральными конкретизаторами типа *şimdi, birazdan, yarın, gelecek hafta, gelecek ay, birkaç ay sonra, X yıl sonra, gelecekte*. Корпусные данные подтверждают, что высокая степень грамматической выраженности будущего посредством *-(y)AcAk* не устраняет функциональной значимости неглагольных локализаторов. Именно они

позволяют конкретизировать положение события внутри будущего временного плана. Показательным является футуральное употребление *-(I)yor*: его интерпретация как будущего существенно зависит от наличия временного показателя и контекста планирования, например в конструкциях типа *gelecek ay başlıyorum* или *haftaya gidiyorum*. Таким образом, морфологическое выражение времени и лексическая локализация события функционируют как взаимодополняющие компоненты.

В подразделе 2.2.3 «Средства ближней, средней и дальней дистантности в татарском языке» исследуются темпоральные конкретизаторы типа *хәзер, тиздән, иртәгә, киләсе атнада, киләсе айда, берничә айдан соң, бер елдан соң, берничә елдан соң, киләчәктә* и их сочетания с финитными формами будущего, футуральным настоящим, аналитическими, модальными и номинативными конструкциями.

В подразделе 2.2.4 «Сопоставительный анализ будущей дистантности в русском, турецком и татарском языках» количественные данные позволяют установить не только межъязыковые различия, но и закономерности перераспределения средств между тремя зонами.

В **русском языке** формы простого будущего совершенного вида / финитные формы составляют 46,9 % в ближней зоне, 38,2 % в средней и 52,4 % в дальней. Таким образом, их доля снижается в средней перспективе и достигает максимального значения в дальней. Одновременно именно в средней зоне возрастает роль модально-инфинитивных и интенциональных моделей — до 30,6 %, а аналитических конструкций — до 18,9 %. В дальней зоне доля аналитических форм снижается до 7,2 %, модальных моделей — до 19,0 %, тогда как простое будущее достигает 52,4 %. Такая динамика показывает, что средняя перспектива в русском материале в большей степени связана с планированием, намерением и прогнозированием, тогда как дальняя перспектива обнаруживает усиление результативного представления будущего события.

В **турецком языке** наиболее выражена морфологическая концентрация вокруг формы *-(y)AcAk*. Её доля составляет 72,9 % в ближней зоне, снижается до

41,8 % в средней и вновь возрастает до 70,0 % в дальней. Следовательно, средняя перспектива представляет собой зону наиболее интенсивной конкуренции футуральных средств. Здесь доля модально-инфинитивных и интенциональных конструкций достигает 21,9 %, аористической футуральности — 14,6 %, а *-(I)yor* в футуральном значении — 9,7 %. В дальней перспективе футуральное *-(I)yor* в исследованном материале не зафиксировано, что подтверждает его преимущественную связь с организованным и обозримым будущим. Одновременно форма *-(y)AcAk* вновь занимает доминирующее положение.

В **татарском языке** количественное распределение имеет иной характер. В ближней зоне наибольшую долю составляет настоящее время в футуральном значении — 27,0 %; простое / финитное будущее составляет 22,8 %, аналитические конструкции — 17,0 %, модально-инфинитивные модели — 15,6 %, относительное будущее — 11,6 %, номинативные и безглагольные конструкции — 6,0 %. В средней зоне ведущую позицию занимает относительное будущее — 29,2 %; простое будущее составляет 23,3 %, модально-инфинитивные модели — 17,8 %, футуральное настоящее — 16,8 %. В дальней перспективе доля простого / финитного будущего возрастает до 33,0 %, футурального настоящего — до 22,8 %, модально-инфинитивных конструкций — до 21,8 %, а номинативных и безглагольных моделей — до 11,0 %. Ни одна из моделей, таким образом, не достигает той степени доминирования, которая наблюдается у *-(y)AcAk* в турецком языке.

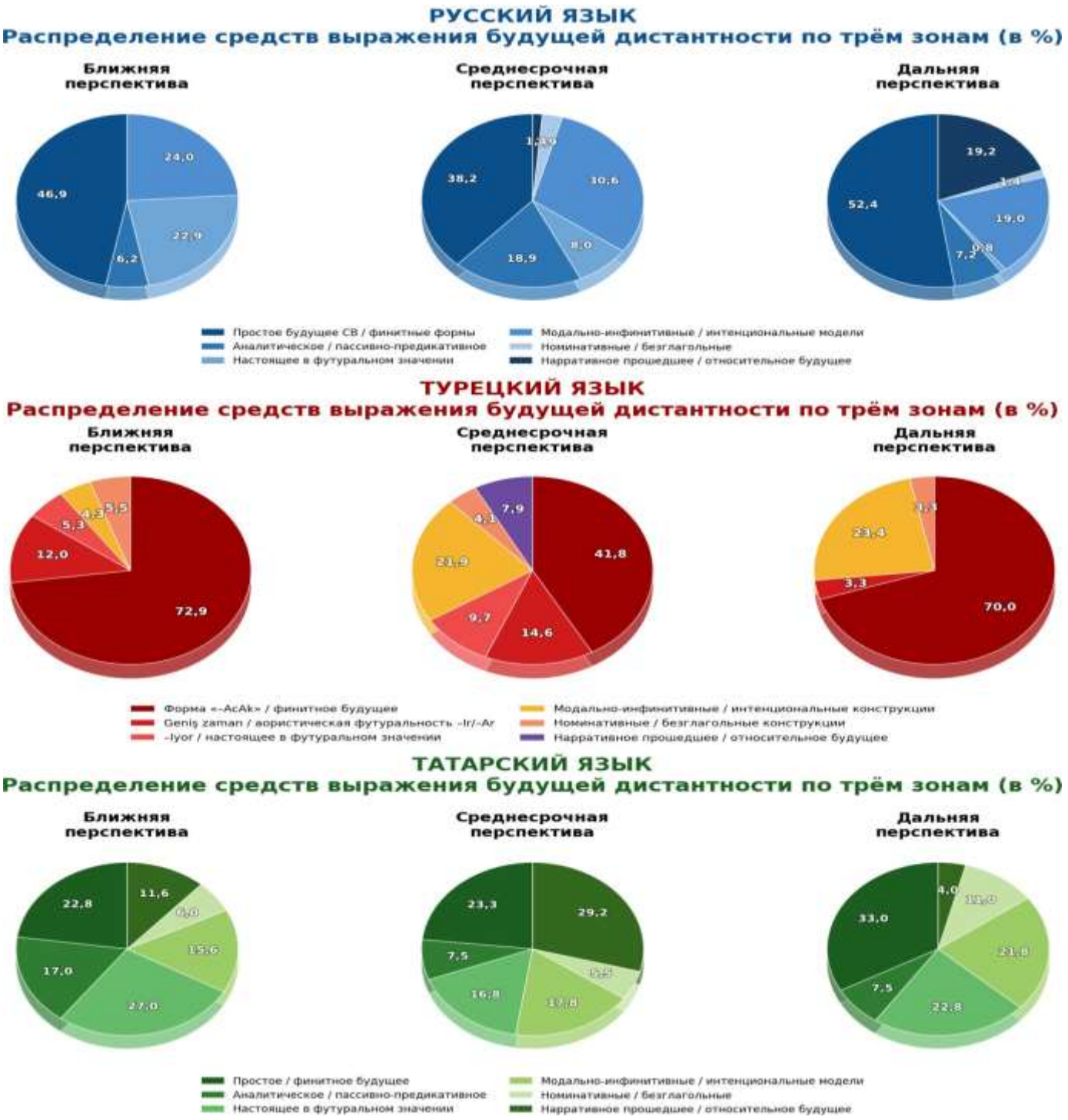

Рисунок 19 — Сопоставительное распределение средств выражения будущей референции в зонах ближней, среднесрочной и дальней дистантности в русском, турецком и татарском языках

Сопоставление полученных данных позволяет выделить три модели организации будущей дистантности. Русский язык демонстрирует смешанную видо-временную модель, в которой взаимодействуют совершенный и

несовершенный вид, модальные и инфинитивные средства, футуральное настоящее и относительная временная перспектива. Для турецкого языка характерна **морфологически концентрированная модель** с устойчивой ведущей ролью *-(y)AcAk*, особенно выраженной в ближней и дальней зонах. Татарский язык реализует **распределённую, полицентрическую модель**, при которой функциональная нагрузка распределяется между финитными, презентными, аналитическими, модальными, относительными и номинативными средствами.

Наибольшая конкуренция средств наблюдается в **среднесрочной перспективе**. Здесь временная локализация особенно тесно взаимодействует со значениями планирования, намерения, необходимости и прогнозирования.

Выводы по главе 2. Ближняя, среднесрочная и дальняя зоны различаются не только временной удалённостью, но и распределением средств будущей референции. Наибольшая вариативность обнаруживается в среднесрочной зоне. В дальней перспективе усиливаются центральные формы будущего в русском и турецком языках, тогда как татарский материал сохраняет распределённый характер.

Корпусный материал подтвердил существенную роль неглагольных средств в выражении дистантности. Темпоральные локализаторы не только конкретизируют положение события на временной оси, но и во взаимодействии с формой предиката участвуют в разграничении трёх зон будущего. Следовательно, функциональное соответствие между русским, турецким и татарским языками не может устанавливаться по принципу «одна форма — одна форма»: сходная будущая референция реализуется средствами, различающимися по аспектуальным, модальным и контекстуальным характеристикам.

Заключение. Предложенная в работе трёхзонная модель позволила разграничить ближайшую, среднесрочную и дальнюю перспективу не только по хронологическому, но и по функционально-семантическому принципу. Ближайшая перспектива преимущественно связана с конкретным, ожидаемым или запланированным действием; среднесрочная характеризуется наибольшей вариативностью средств и активным взаимодействием значений планирования,

намерения, необходимости и прогнозирования; дальняя перспектива преимущественно связана с представлением будущего события как ожидаемого факта или результата либо как элемента долгосрочной перспективы.

Результаты исследования подтверждают исходную гипотезу о том, что дистантность будущего временного плана не является значением, закреплённым за отдельной грамматической формой. Она формируется в результате взаимодействия формы предиката, темпорального локализатора, модальной характеристики и контекста. Поэтому функциональное сопоставление разноструктурных языков требует анализа не изолированных форм, а целостных микроконтекстов, в которых реализуется будущая референция.

Теоретическая значимость полученных результатов заключается в уточнении представления о будущей дистантности как функционально-семантическом параметре и в обосновании трёхзонной модели её описания на материале разноструктурных языков. Исследование также уточняет роль темпоральных локализаторов, модальных, аналитических, номинативных и контекстуальных средств в организации будущего временного плана. Практическая значимость работы определяется возможностью использования полученных результатов в преподавании русского, турецкого и татарского языков, практике перевода, сопоставительном анализе разноструктурных языков и корпусных исследованиях.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением сопоставительного анализа будущей дистантности на материале других славянских и тюркских языков. Дальнейшая работа может быть направлена на увеличение корпусной базы, анализ жанровых различий, изучение разных типов дискурса, а также на более подробное рассмотрение связи будущей дистантности с типом предиката, контролируемостью действия субъектом, модальностью, аспектуальностью и коммуникативной установкой говорящего.

Научные результаты исследования отражены в следующих публикациях автора.

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России

1. Оздемир С. Личные и неличные глагольные средства выражения будущего времени в русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2025. — Т. 18, вып. 6. — С. 2554–2561. — DOI: 10.30853/phil20250358.

2. Оздемир С. Будущее время в турецком языке: грамматические и смысловые аспекты // Современный ученый. — 2024. — № 8. — С. 69–75. — DOI: 10.58224/2541-8459-2024-8-69-75.

3. Оздемир С. Причастие -asi/-äse в татарском и турецком языках: будущность, модальность, аналитические конструкции // Филологический вестник. — 2026. — Т. 5, № 2. — С. 72–82. — DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-72-82.

4. Оздемир С. Лексические маркеры ближайшего будущего «завтра» / «yarın» / «иртәгә» в русском, турецком и татарском языках // Современный ученый. — 2026. — № 8. — С. 63–72. — DOI: 10.58224/2541-8459-2026-8-63-72.

5. Оздемир С. Глагольные и неглагольные средства выражения будущей референции в русском, турецком и татарском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2026. — Т. 19, вып. 5. — С. 1809–1818. — DOI: 10.30853/phil20260231.

Материалы научных конференций и статьи в прочих изданиях

6. Оздемир С. Грамматическая категория будущего времени и имплицитная модальность в русском и турецком языках // Иноязычное образование в современных реалиях: проблемы и векторы развития : материалы III Международной научно-практической конференции. — Казань : КГЭУ, 2025. — С. 216–220.

7. Оздемир С. Изучение категории будущего времени в русском языке // Русский язык на пространстве СНГ и в мире : сборник научных статей по итогам Международной научной конференции. — Самарканд / Нижний Новгород : НГЛУ, 2025. — С. 246–252.

8. Оздемир С. Время ближайшего будущего и наречия, выражающие будущее время в турецком языке // Иностранный язык: традиции, опыт и инновации : материалы II Международной научно-практической заочной конференции. — Казань, 2024. — С. 645–649.

9. Оздемир С. Временная структура в турецком языке, будущее время и аспекты // Иноязычное образование в современных реалиях: проблемы и векторы развития : электронный сборник статей по материалам II Международной научно-практической конференции. — Казань : КГЭУ, 2025. — С. 161–165.

Публикация в материалах международного симпозиума

10. Оздемир С. Türkçede Gelecek Zaman Anlamı Taşıyan Yapılar [Структуры, выражающие значение будущего времени в турецком языке] // X Международный симпозиум молодых тюркологов памяти д-ра Якупа Омероглу : сборник докладов. — Бишкек : Кыргызско-Турецкий университет «Манас», 2025. — С. 517–524.